

П. В. Каплин

ГРИГОРИАНСКИЙ РАСКОЛ НА УРАЛЕ в 1926–1938 гг.

Важным событием для Русской православной церкви в начале XX в. стало проведение Поместного собора, на котором рассматривались проблемы церковной жизни, накопившиеся за 200-летний синодальный период. Главным, хотя и не запланированным деянием Собора стало восстановление патриаршества и избрание патриархом митрополита Московского Тихона (Белавина). Предшествовали этому событию бесплодная двухмесячная работа Отдела Собора по церковному управлению, который не смог решить ни одного вопроса. Выход из такой ситуации членами Собора связывался с потребностью в восстановлении патриаршества. Это и было сделано после продолжительной и временами острой полемики. Разность позиций по этому вопросу не прошла бесследно для последующей истории Русской церкви.

Попытка восстановить «коллегияльность» в управлении церковью была предпринята через восемь месяцев после кончины патриарха Тихона. Осуществить это намерение решились девять архиереев во главе со Свердловским архиепископом Григорием (Яцковским). К этому они были заранее «подготовлены» руководством ОГПУ и заручились его поддержкой. 22 декабря 1925 г. эти архиереи собрались на совещание в московском Донском монастыре и решили образовать из присутствующих Временный высший церковный совет (ВВЦС). Это позволило бы, по их мнению, восстановить «соборность» (понимаемую как «коллегияльность») в управлении церковью.

Создание этого органа противоречило, однако, наличию в высшем церковном управлении преемников патриарха Тихона. Первым таким преемником стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский), который стал именоваться Патриаршим Местоблюстителем. Этот архиерей вскоре после вступления в эту должность был арестован, а во главе Русской церкви 14 декабря 1925 г. встал в качестве заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Последний находился в Нижнем Новгороде и был лишен права выезда, но о своем вступлении в управление церковью он был оповещен еписко-

патом через московского викария. Знали об этом и собравшиеся в Донском монастыре архиереи, но, желая встать во главе церкви, они решили создать «преимущества» для созданного ими органа управления церковью. Во-первых, ВВЦС был зарегистрирован органами советской власти, что произошло благодаря поддержке ОГПУ через неделю со дня его появления (примечательно, что ни патриарх Тихон, ни митрополит Петр (Полянский) не смогли на протяжении ряда лет добиться подобной регистрации). Во-вторых, ими было получено право на издательскую деятельность (выпуск посланий и т. д.). В-третьих, обманным путем было получено одобрение (в виде условной резолюции) от Патриаршего Местоблюстителя на установление во главе церкви «коллегии» из трех епископов. Из назначенных митрополитом Петром епископов на свободе находился только архиепископ Григорий (Яцковский), и поэтому одобренная Местоблюстителем «коллегия» не была создана.

Полученная условная резолюция использовалась организаторами ВВЦС как «каноническое» обоснование своей деятельности. Митрополит Сергей, ощущая на себе ответственность за судьбу Русской церкви, завязал переписку с председателем ВВЦС, доказывая неканоничность возглавляемого им органа и его деятельности в Русской церкви. Убедившись в нежелании архиепископа Григория и прочих организаторов ВВЦС оставить начатое ими дело, заместитель Патриаршего Местоблюстителя подверг их церковному запрещению, которому те, однако, не подчинились.

Все подробности произошедших в Москве событий не были известны для большинства епархий Русской церкви в силу плохой связи между ними и центром. Поэтому в условиях только начавших распространяться сведениях о заместителе арестованного Патриаршего Местоблюстителя и стало возможной организация ВВЦС и его претензия на управление Русской православной церковью. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, новоявленный Высший церковный совет начал оповещать епархии православной церкви о своем существовании.

Первым источником, из которого уральские верующие и духовенство узнали о появлении ВВЦС, был, вероятно, выпуск газеты «Известия ЦИК» от 7 января 1926 г. Новый орган был представлен в газетной публикации как имеющий высшую власть в Русской православной церкви, а в местных епархиях соответственно возникла необходимость определения своего отношения к этому органу управления. Однако сделать это было сложно, т. к. в указанной публикации не были освещены вопросы отношения новоявленного органа к преемникам патриарха Тихона, формулы поминовения высшей церковной власти и т. д.

Для прояснения сложившейся в церкви ситуации в Свердловской епархии было решено послать делегацию в Нижний Новгород к митро-

политу Сергию (Страгородскому). Инициатором такой поездки стала община Крестовоздвиженского храма г. Свердловска, считавшаяся образцом сохранения православной веры¹. Представители этой общины встретились в феврале-марте 1926 г. с заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Побеседовав с приехавшими, митрополит Сергей дал им «указания признавать только патриаршую церковь и выполнять заветы патриарха»². Немного раньше свердловской делегации, в январе того же года, к заместителю Местоблюстителя приезжал дьякон от шадринского епископа Стефана (Знамировского) с целью узнать сложившуюся церковную ситуацию. Посланнику шадринского епископа митрополит Сергей передал копии своей переписки с председателем ВВЦС, в которой разбирались незаконность образования и деятельность этого органа, а также «свой архипастырский совет свердловскому духовенству и пастве во всех церковных делах обращаться пока к преосвященному епископу Стефану»³.

Такой совет был дан в связи с особым положением, сложившимся в Свердловской епархии (по сравнению с другими уральскими епархиями). Сложность ситуации состояла в том, что председателем ВВЦС стал свердловский архиерей — архиепископ Григорий (Яцковский), и поэтому духовенству и верующим Свердловской епархии предстояло определить свое отношение не только к ВВЦС, но и к своему епархиальному архиерею. Архиепископ Григорий, вступив на Свердловскую архиерейскую кафедру в 1917 г., три года ею не управлял (с августа 1922 по декабрь 1925 г. он отбывал тюремное заключение⁴), но сохранил титул архиепископа Свердловского и Ирбитского, а также права на управление епархией. После же своего освобождения и создания ВВЦС архиепископ Григорий решил «реализовать» свои права на управление Свердловской епархией, которой временно управлял кто-либо из архиереев ближайших епархий.

Приезд архиепископа Григория в Свердловск добавил ему сторонников: большинство староцерковных приходов города подчинилось прибывшему архиепископу⁵. Заручившись такой поддержкой, архиепископ Григорий уехал в Москву для участия в съезде сторонников ВВЦСовета (так называемых «григорианцев»), состоявшемся 3 июня 1926 г. и пытавшемся оформить себе место при намеревавшемся вступить в должность Патриаршего Местоблюстителя митрополите Агафангеле (Преображенском). Ничего не добившись в этом направлении, архиепископ Григорий вернулся в Свердловск, где 15 июня провел собрание свердловского благочиния. Собрание в составе 13 священнослужителей и 26 мирян признало ВВЦС «законным» органом управления церковью, а архиепископа Григория своим «законным» архиереем. В оппозиции архиепископу Григорию и, следовательно, в подчинении митр. Сергию (Страгородскому) осталось два храма — Успенский на ВИЗе и Крестовоздви-

женский⁶, являвшийся кафедральным для «сергиевских» свердловских архиереев.

Следующим шагом по укреплению своего влияния, а также для структурного оформления Свердловской «григорианской» епархии стал созванный архиепископом Яцковским 29–30 июня 1926 г. «епархиальный съезд духовенства и мирян, признающих авторитет архиепископа Григория». На съезде присутствовали 41 представитель от духовенства и 52 представителя от мирян. Заслушав доклад архиепископа о положении в церкви (представленном в нужном архиепископу Григорию виде), съезд признал ВВЦС законным органом, а полномочия митрополита Сергия (Страгородского) «незаконными». На съезде архиепископу Григорию удалось оформить и «свою» Свердловскую епархию из подчинившихся ему приходов. Был сформирован прежде всего епархиальный совет под председательством настоятеля Александро-Невского собора протоиерея Евгения Львова, а перешедшие на сторону архиепископа Григория приходы объединены в 10 благочиннических округов: Алапаевский, Верхнетуринский, Горнощитский, Каслинский, Кисловский, Пермско-Чусовской, Петрокаменский, Свердловский, Челябинский и Шадринский⁷. Таким образом, в Свердловской епархии, благодаря личному участию архиепископа Григория (Яцковского), появилось много сторонников ВВЦС, из которых была создана уже третья (после «сергиевской» и «обновленческой») Свердловская епархия.

В соседней Пермской епархии ситуация, касающаяся отношения к ВВЦС, была иной. В этой епархии не нашлось активных проповедников идей ВВЦС, тогда как даже обновленческое духовенство уже к лету 1926 г. располагало вполне достоверной информацией об обстоятельствах появления этого органа. Эта информация содержалась, к примеру, в следующем циркуляре обновленческого Священного синода Пермскому епархиальному управлению: «Наблюдая жизнь староцерковников, православные христиане (имеются в виду обновленцы. — П. К.) видят жестокую распрю, какую ведут между собою староцерковные иерархи... Группа староцерковных иерархов во главе с архиеп. Григорием, игнорируя слухи об этом назначении 22.12.25 г. в Москве, в Донском монастыре, устроили собрание... налицо проявление полного произвола и самочиния со стороны архиеп. Григория и его единомышленников»⁸.

Результатом такой осведомленности стал переход в ведение ВВЦС всего лишь двух приходов, тогда как «сергиевскими» оставались 106 приходов⁹. Предпринятая архиепископом Григорием в 1927 (1928?) встреча с пермским духовенством и верующими ситуацию не изменила. Местное духовенство и верующие смогли при этой встрече лишь убедиться в неспособности свердловского архиепископа канонически обосновать существование и деятельность возглавляемого им ВВЦСвета¹⁰.

В Курганской епархии соотношение количества «григорианских» и «сергиевских» приходов было примерно таким же. По данным местного отделения Союза безбожников, в Курганском округе в 1927 (1928?) г. староцерковных («сергиевских») приходов было 160, признающих ВВЦС — 10, обновленческих — 30¹¹. В этой епархии незначительное распространение влияния ВВЦС (или «григорианского раскола», названного так по имени председателя этого органа) может быть объяснено осторожно-выжидательной позицией, занятой на благочинническом совещании 16 марта 1926 г. «отцами благочинными и представителями от мирян староцерковных приходов». В протоколе совещания, в частности, отмечалось: «Совещание, обменявшись мнениями по поводу неофициальных сведений о переменах высшая (высших. — *П. К.*) представителей иерархии Православной Русской Церкви староцерковного течения, вынесло пожелание: 1. Воздержаться временно, до получения официальных сведений, от признания заместителей Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого <...> 3. Чтобы Православные иерархи освестили православных чад своих о церковной жизни»¹².

После поступления необходимой информации в Курганскую епархию сложилось вышеприведенное соотношение приходов различных церковных «течений», где «григорианские» приходы составляли меньшинство.

Указанное количественное соотношение было характерно и для Уфимской епархии, где «григорианских» приходов было всего 4, тогда как «сергиевских» в 1932 г. — 345¹³. Такое соотношение сложилось во многом благодаря управляющему епархией, епископу Иоанну (Пояркову). Последний разослал в августе 1927 г. циркуляр, в котором объяснялась незаконность начинания архиепископа Григория, создавшего новый церковный раскол — «григорьевщину»¹⁴.

Исключением из ряда не признавших ВВЦС епархий Урала стала Челябинская епархия, в которой, как и в Свердловской, удалось оформить еще одну «григорианскую» епархию. Основой для создания этой епархии стали несколько приходов, отделившихся от патриаршей церкви еще до образования ВВЦС и перешедших на так называемую автокефалию (самоуправление). Узнав о появлении ВВЦС, признанного советским правительством «легальным» органом управления церковью, эти приходы к нему примкнули¹⁵. Было решено также объединиться (в отдельную епархию), избрать своего челябинского епископа и епархиальный совет. В результате обсуждения кандидатом в епископы был выбран протоиерей Александро-Невской церкви г. Челябинска Петр Холмогорцев, активно участвовавший в переходе на «автокефалию» указанных приходов. В 1927 г. этот протоиерей на предсоборном съезде «григорьевцев» в Москве был хиротонисан в епископа Челябинского.

Примечательным является размер новообразованной Челябинской «епархии», приходы которой были объединены в три «благочиннических округа»: Градо-Челябинский (два прихода), Миасский (семь приходов) и Белорецкий (пять приходов)¹⁶. В то же время «сергиевских» приходов было более сотни¹⁷. Поэтому термин «епархия», применительно к григорианской Челябинской «епархии» едва ли применим, по своим размерам это скорее церковное благочиние. Еще более странным образованием была вышеупомянутая Свердловская григорианская епархия. Согласно названиям благочиннических округов, она охватывала почти весь Средний Урал, часть Южного Урала (до образования Челябинской «епархии») и даже часть Сибири (согласно современным административным границам). На всей этой огромной территории было не более сотни приходов, тогда как почти любая из пяти «сергиевских» епархий, размещающихся параллельно Свердловской, имела более сотни приходов.

Большое значение для уральских верующих и духовенства в понимании происходящих церковных событий имела позиция Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского). Авторитет этого архиерея был связан с тем, что он возглавил Русскую церковь по завещанию патриарха Тихона, получившего на это право от Поместного собора 1917 – 1918 гг. Как было указано выше, митрополит Петр, находясь в заключении, был лишен возможности получать достоверную информацию о происходящих в церкви событиях. Это и позволило архиепископу Григорию (Яцковскому) путем обмана получить условную резолюцию на деятельность «коллегии трех», в реальности никогда не существовавшую. Однако благодаря переписке со своим заместителем — митрополитом Сергием (Страгородским), митрополит Петр стал узнавать реальное положение дел в церкви.

На основании полученных сведений Патриарший Местоблюститель подтвердил права митрополита Сергия на управление церковью в качестве своего заместителя, «коллегию трех» своей резолюцией от 9 июня 1926 г. упразднил. Этот документ позволил верующим и духовенству увидеть в действиях архиепископа Григория (Яцковского) и его единомышленников все признаки раскола. Во-первых, произошло отделение от своего первого епископа, вопреки 34-му апостольскому правилу, а также 14-му и 15-му правилам Двукратного собора; во-вторых, было создано самочинное общество, а запрещения высшей церковной власти игнорировались.

Ощущая крах предпринятого им начинания, архиепископ Григорий решил добиться у гражданских властей разрешения на личную встречу с митрополитом Петром (Полянским) для того, чтобы убедить того восстановить «коллегию» и признать полномочия ВВЦС. Свидание иерархов состоялось 21 января 1927 г. в Свердловской тюрьме, где временно нахо-

дился митрополит Петр. Цель, которую ставил архиепископ Григорий, не была достигнута — Патриарший Местоблюститель лишь подтвердил наложенные на организаторов ВВЦС запрещения и призвал им подчиниться. Однако архиепископ Григорий остался при своих убеждениях, чего нельзя сказать о его последователях. Во-первых, содержание свидания в Свердловской тюрьме Патриарший Местоблюститель отразил в своем послании «Архипастырям, пастырям и всем чадам Российской Православной Церкви» от 1 января 1927 г., чем документально подтвердил законность полномочий митрополита Сергия (Страгородского) и раскольнический характер деятельности архиепископа Григория (Яцковского). Во-вторых, уральское духовенство получило в январе того же года возможность непосредственно от митрополита Петра узнать отношение к «григорьевцам».

Как указывалось в докладной Пермского окротодела ОГПУ, это произошло следующим образом. «Проходивший через изолятор в январе месяце к месту ссылке в Обдорск митрополит Петр Крутицкий имел связь с местными попами через секретаря изолятора Н. Чистякова. Последний нами арестован и привлекается к ответственности. Последствия этой связи внесли дезорганизацию в работу по церковникам не только в нашем округе, но и во всей Уральской области, а именно: нами сейчас в интересах углубления церковного раскола, создается группа церковников, так называемых григорьевцев... Начатая нами в этом направлении работа, возможно, будет обречена на неуспех, так как Крутицкий через указанного Чистякова сообщил попам, что Григорий власть присвоил незаконно и считается им, Крутицким, запрещенным в священнослужении, о чем местные попы оповестили духовенство почти всей Уральской области...»¹⁸.

Результаты осведомленности уральских верующих и духовенства об истинном положении дел в церкви вскоре проявились. 2 марта 1927 г. в с. Егоршинском Свердловского округа состоялся объединенный съезд духовенства и мирян, на котором присутствовали и «сергиевцы», и «григорьевцы». Выступая на съезде, протоиерей Рыболовцев заявил собравшимся, что архиепископ Григорий «похитил благодатное преемство власти» у митрополита Петра (Полянского), и доказал, что митрополит Сергий (Страгородский) является «законным управителем церкви». Присутствовавшие «григорьевцы», убежденные докладчиком, тут же решили оставить раскол и присоединиться к митрополиту Сергию, в знак чего по окончании съезда был отслужен благодарственный молебен¹⁹.

Таким образом, через год после своего возникновения, ВВЦС получил окончательную оценку как орган незаконный, а его деятельность оценивалась как раскольническая. Та небольшая часть Русской церкви, которая поддержала ВВЦС, встала на самостоятельный путь существова-

ния, постепенно теряя своих сторонников. Созданные на Урале две григорианские епархии продолжали, однако, существовать, несмотря на свою малочисленность и полученное осуждение от большинства епископата, духовенства и мирян Русской православной церкви. Это было связано, вероятно, не столько с тем, что местное духовенство разделяло взгляды архиепископа Григория на «соборность» в управлении церковью, сколько с тем, что он сознательно их дезинформировал.

Помимо распространения содержащих множество искаженных фактов Послания и Объяснительной записки к нему, составленных григорианцами на совещании 11 мая 1927 г. в Москве, архиепископ Григорий дезинформировал духовенство и мирян и в непосредственном общении. Так, на съезде григорьевцев Свердловской епархии, состоявшемся в июне 1927 г., архиепископ Яцковский не только не упомянул об осуждении его деятельности митрополитом Петром (Полянским), но и приписал тому свои собственные мысли. В протоколах съезда значилось: «Слушали: доклад Архиепископа Григория о его свидании и беседе в Свердловской тюрьме с митрополитом Петром Крутицким, в которой последний определенно заявил, что он не писал и не мог писать из тюрьмы никакого послания против Временного Высшего Церковного совета и архиепископа Григория. При этом была речь о том, запрещения митрополита Сергия Страгородского ничтожны и недействительны, как не соответствующие канонам церковным, которые не дают права и самому патриарху единолично, без соборного суда, запрещение епископа...»²⁰. Результатом такого «просвещения» стала поддержка архиепископа Григория большинством приходов Свердловска (6 из 8 в 1927 г.²¹) и почти одной третью приходов Свердловского округа²².

Некоторым свидетельством о прихожанах, посещавших григорианские храмы (по сравнению с прихожанами храмов других церковных течений), могут служить наблюдения осведомителей ПП ОГПУ по Уралу о пасхальных богослужениях 9 мая 1928 г. Ниже приводятся некоторые из них: «В Златоустовской церкви (обновленческая) народу было полно – большинство из присутствовавших была молодежь, пришедшая послушать хор певчих, молодежь создавала искусственную давку, особенно нажимали на молодых девиц. На возгласы попа: “Христос воскрес” были слышны единичные голоса: “Воистину воскрес”, а со стороны молодежи были выкрики: “и мы здесь”, после этого хохот. Принять “причастие” подошло трое калек, две старухи и один чиновник. Целовать же крест после службы подошло только около 10% присутствовавших, а остальные повернулись и вышли из церкви...»

В Александро-Невском (григорианском) соборе народу было много, церковь была набита до отказа, в большинстве публика составляла торговцев и служащих, было немного рабочих и человек 15 в в/форме (воен-

ной форме. — П. К.), бросалось в глаза присутствие женщин, которых было большинство. В церкви стоял невообразимый шум, который производился входившей и уходившей молодежью. Служивший митрополит Григорий — произносил проповедь на тему о Воскресении Христа, особо религиозного настроения не наблюдалось; видно было, что большинство пришло из любопытства и послушать хор. Во время службы в церкви все время шел разговор и раздавался даже смех; приглашенный для исполнения сольных номеров артист оперы — Пирогов не явился, выполнял их какой-то рядовой артист. В Крестовоздвиженской церкви (сергиевское течение) народу было очень много, преимущественно взрослые — много торговцев и советских служащих. В Лузинской церкви (григорианская) присутствующих было много, в большинстве своем молодежь, которая устраивала давку, по поводу чего верующая часть присутствующих возмущалась, и один из молящихся жаловался на давку постовому милиционеру, на что последний ответил: жмут — не ходи, не молись»²³.

В Челябинской григорианской епархии способ «удержания» приходов был аналогичным. Те приходы Челябинской епархии, которые доверяли протоиерею Петру Холмогорцеву, ушли вслед за ним в «автокефалию», а позже последовали за этим протоиереем и в григорианский раскол. Те приходы, на которые не распространялось личное влияние протоиерея Холмогорцева, никогда его не поддерживали. Число поддерживавших его приходов со временем стало даже уменьшаться — в 1934 г. их осталось 8²⁴.

Таким образом, события церковной жизни Урала свидетельствуют о том, что все уральские епископы, а также подавляющее большинство духовенства вместе со своими приходами остались в патриаршей церкви, а григорианский раскол получил крайне незначительное распространение. Создание двух «григорианских» епархий было такой же авантюрой, как и создание ВВЦС. Однако многие приходы из числа подчинившихся ВВЦС, несмотря на поступающую разоблачительную информацию о деятельности архиепископа Григория (Яцковского), получившей уже в начале 1926 г. статус раскольнической, продолжали держаться выбранного им пути. Вероятно, это было связано с личным влиянием, распространявшимся на часть духовенства и мирян ранее управлявшейся архиепископом Григорием Свердловской епархии. К личному уважению мог прибавляться и ореол «мученика», так как этот архиерей перенес тюремное заключение. То же можно сказать и о протоиерее Петре Холмогорцеве, с 1932 г. возглавившем в епископском сане обе григорианские епархии Урала и удерживавшем приходы лишь своим личным влиянием.

Несмотря на небольшую поддержку, полученную этими двумя священнослужителями, сложившаяся картина распространения григорианского раскола на Урале имела явные признаки «угасания». Содействовать

этой тенденции взялись через 12 лет существования этого раскола органы ОГПУ. Согласно приказу народного комиссара внутренних дел СССР № 00447, уральские чекисты сфабриковали ряд дел по «контрреволюционной и террористической» деятельности церкви. Путем расстрелов и ссылок к 1938 г. на Урале был положен конец организованному существованию «религиозных организаций», в том числе и григорианскому расколу.

¹ Уральские церковные ведомости. 1927. № 5. С. 15.

² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 47561. Л. 16.

³ ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11. Л. 25.

⁴ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 46693. Т. 1. Л. 370, 405.

⁵ Лавринов В., *прот.* Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2000. С. 47.

⁶ ГАСО Ф. р - 575. Оп. 1. Д. 22. Л. 32 – 32об.

⁷ Лавринов В., *прот.* Екатеринбургская епархия... С. 47 – 48.

⁸ ГАПО Ф.р-1. Оп.1. Д. 2. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 51об.

¹⁰ Там же. Л. 55 – 56.

¹¹ ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1163. Л.17.

¹² ГАКО. Ф. р – 4640. Оп. 3. Д. 523. Л. 32 – 32об.

¹³ Цытин В., *прот.* История Русской Православной Церкви, 1917 – 1991 гг. М., 1994. С. 34.

¹⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917 – 1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М. С. 243.

¹⁵ Боже В.С. Материалы к истории церковно-религиозной жизни Челябинска (1917–1937) // Челябинск неизвестный: Красведческий сборник. Вып. 2. / Сост. В.С. Боже. Челябинск, 1998. С. 142 – 143.

¹⁶ Лавринов В., *прот.* Екатеринбургская епархия... С. 52.

¹⁷ ОГАЧО Ф. р - 519. Оп. 1. Д.16. Л. 83 об; Ф. р - 274. Оп. 3. Д. 4254. Л. 40.

¹⁸ Цит. по: Булавин М.В. Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917 – 1927 гг. (на примере Урала): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 43.

¹⁹ *Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. Сортавала, 1993. С. 54.

²⁰ Цит. по: Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб., 1994. С. 351.

²¹ ГАСО Ф. р – 575. Оп. 1. Д. 22. Л. 32–32об.

²² ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 6. Д. 430. Л. 46–48.

²³ Там же. Ф.4. Оп. 4. Д. 446. Л. 26–28.

²⁴ ОГАЧО Ф. р - 519. Оп. 1. Д. 16. Л. 83 об; Ф. р - 274. Оп. 3. Д. 4254. Л. 136.